

Глава 32. Часть двадцать первая. Нугуаньци

Ян Ихай так и не обернулся.

Едва уловимый Аромат Цзимо, исходивший от гостя, с первых секунд выдал его с головой.

Ян Ихай был потрясен настолько, что на мгновение даже забыл о смущении. В голове воцарился полнейший хаос:

«Что он здесь забыл?..»

«Руки у него холоднее моих... Давно он тут стоит?..»

«Накинул на меня одежду, а сам? Почему на нем самом всё такое тонкое?.. Ну не дурак ли?!»

«И зачем он говорит мне всё это?.. Он же просто книжный червь, из которого, кроме ученых цитат, слова не вытянешь! С чего вдруг заделался таким знатоком сердечных дел?!»

...

Хм! Если ты думаешь, что стоит сказать пару красивых слов — и я сразу перестану злиться, то ты глубоко ошибаешься! У меня тоже есть характер. У нас сейчас размолвка, так что я тебя в упор не вижу.

Ян Ихай обиженно надул губы — хоть гирю на них вешай — и замер с самым надменным видом. Он и не думал открывать рот, упрямо глядя на далекие рыбацкие огни на реке Юшуй. Речной ветер студил лицо, осушая слезы, но на душе больше не было холодно. Напротив, там расцветала весна, и Ян Ихай едва сдерживал торжествующее ликование.

Юй Чуцю молчал. Он всё так же крепко обнимал его со спины, сплетя свои ледяные пальцы с чуть теплыми ладонями Ян Ихая.

Прошло немало времени...

Почувствовав, что щеки Ян Ихая согрелись, Юй Чуцю медленно отнял руки. Он отстранился и выпрямился. Тот уходил так же, как и пришел — тихо, почти бесшумно.

Когда одеревеневший Ян Ихай наконец нашел в себе силы обернуться, на извилистой горной тропе уже никого не было. Казалось, гость и вовсе не приходил, а всё случившееся было лишь сном о золотом просе.

Ян Ихай долго смотрел на дорогу, ведущую к поместью Юй, но в конце концов отвернулся. Он остался сидеть на пристани, обхватив колени руками, а в каждом его вздохе чувствовался запах туши, пропитавший чужую накидку.

Вскинув голову, он проводил взглядом плывущие по небу облака и прошептал слова, что только что слышал от Юй Чуцю:

— Если б не было туч, не тосковало бы небо?.. А если б не стало небес, где тучам найти причал?..

— Ох, давненько я не слышал этих строк.

Позади внезапно раздался старческий голос.

Вздрыгнув от неожиданности, Ян Ихай оглянулся. К нему, опираясь на посох и неся в другой руке удочку, пробирался Слепец Линь. Старик нащупал соседний каменный выступ, привычно уселся, отставил посох и ловко забросил крючок в воду. Вид у него был на редкость безмятежный.

От этого вмешательства вся меланхолия Ян Ихая мигом испарилась.

— Вы сказали «давненько»? — с любопытством переспросил он. — Что вы имели в виду?

Слепец Линь погладил свою белоснежную бороду:

— Да... И впрямь давно... Сколько же лет утекло? Пять? Десять? Или все двадцать? Старею, старею, память уже не та...

— Да вы скажете наконец или нет?!

— Ох, молодежь, вечно вы торопитесь. Старику уже семьдесят восемь, дай мне хоть собраться с мыслями...

Ян Ихай нетерпеливо притопнул ногой, насупившись.

— Эх... Дети семьи Юй... все они умеют задеть за живое...

— Что?

— Ихай...

— Э? Я ведь даже не поздоровался, откуда вы узнали, что это я?

— Хе-хе, хоть глаза мои и ослепли, разум еще не помутился. Мальчик мой, на иные вещи не стоит смотреть глазами — их нужно слушать сердцем. То, что рождается в голове, может обмануть и других, и тебя самого, но сердце — никогда. Ты ведь хочешь знать, откуда взялись те слова?

— Да... — Ян Ихай кивнул.

— Эти строки — из прощального письма, которое одна женщина оставила мужу, навсегда покидая городок Фужун. А её муж... эх... Он потратил четырнадцать лет, чтобы написать ответ. И в том ответе было всего четырнадцать слов.

— Четырнадцать лет ради четырнадцати слов?!

— Именно. Стихотворение без последней строфы: «Всю жизнь мою лишь две слезы катились: одна — о бренном мире, а другая — о красе...»

Голос Слепца Линя, медленный и хриплый, повествовал о печальной истории, случившейся не так уж давно.

Чем больше Ян Ихай слушал, тем сильнее сжималось его сердце. Он широко распахнул еще влажные от слез глаза, в груди стало тесно от необъяснимой тоски. Он до боли сжал кулаки, вцепившись в ткань штанов, и устался на носки своих сапог. Тесемка чужой накидки игриво скользнула по его щеке, словно в насмешку.

Как только старик замолчал, Ян Ихай резко вскочил. Бросив короткое прощание, он со всех ног бросился вверх по каменистой тропе, обратно к дому Юй.

Скрип...

Стоило ему приоткрыть дверь, как он увидел Юй Чуцю. Тот одиноко и тихо сидел в главной зале, подперев голову рукой. В другой он держал щепку, которой задумчиво поправлял фитиль свечи.

Пламя дрожало, и красный воск, словно кровавые слезы, капал на подсвечник, застывая уродливыми наплывами.

Ян Ихай не решался нарушить этот покой. Глядя на его безмятежное, кроткое лицо, он бесшумно прошел к столу и сел напротив, принимаясь внимательно — по-настоящему — его разглядывать.

Эти узкие плечи... сколько бед они вынесли?

На лице всегда это спокойствие... Неужели он от природы такой невозмутимый, или просто жизнь научила его не ждать от мира ничего хорошего?

А эти глаза... вечно подернутые дымкой, словно персиковый цвет в тумане. Он таким родился, или... или он столько перестрадал, что сердце его плачет даже тогда, когда он не проливает слез?

...

Юноша, который казался ему загадкой, сейчас выглядел таким хрупким и беззащитным, что его хотелось обнять и никогда не отпускать.

Сердце Ян Ихая заныло от жалости. Он отвел взгляд и уставился на свои переплетенные пальцы.

— Ихай... — негромко позвал Юй Чуцю.

Ян Ихай поднял голову. Тот улыбался своей обычной мягкой улыбкой.

— Вернулся — и слава богу. Проголодался? Пойду разогрею еду.

Он потянулся было к перевернутым чашкам на столе.

Ян Ихай заметил, что еду явно отложили заранее, еще до того, как сели ужинать сами.

На душе стало совсем тошно. Выхватив палочки из рук Юй Чуцю, он глухо пробормотал:

— Не надо греть. Лето же на дворе, я люблю холодное.

Он подтянул к себе чашку и принялся жадно есть, даже не глядя на блюда — хоть яд подложи, он бы и не заметил. А внутри всё переворачивалось от боли.

«Я — подонок! Последнее ничтожество на всем белом свете! Чуцю такой хороший, а я его не стою... В самом начале... я ведь заигрывал с ним просто от скуки. Боялся, что он выставит меня за дверь и мне некуда будет пойти... Потом... когда это началось? Ах да, кажется, когда он сбрил бороду. Я просто погнался за его красотой... А потом всё это было лишь ради того, чтобы насолить Су Цзытяню... Тот мальчишка небось думает так же, как и я? Городские пижоны, привыкшие к роскоши и вечному празднику, внезапно оказались в захолустье, где „связь — через крик, тепло — от дрожи, а порядок — под присмотром псов“. Скука смертная... И тут —

такая удача: Юй Чуцю. Наивный, добрый, нелепый книжник. Как не поиздеваться? Как не покорить? Можно пользоваться им как угодно, он ведь и слова против не скажет... В итоге я оказался таким же поверхностным и гнилым мерзавцем! Чем я лучше того же Су Цзытяня? Нужно оставить его... Такой человек, как Юй Чуцю, заслуживает настоящего счастья... Но почему же мне так больно?»

— Ихай, не ешь один рис, возьми мяса, — Юй Чуцю взял другую пару палочек и положил несколько кусочков в чашку гостя.

Ян Ихай очнулся. Отставив чашку, он внезапно схватил Юй Чуцю за левую руку и, глядя прямо в его чистые, как горный хрусталь, глаза, с трудом выдавил:

— Прости меня...

— Мы же одна семья, к чему эти извинения? — в глазах Юй Чуцю заплясали смешинки, хотя на языке всё еще была легкая колкость: — Впрочем, тебе и впрямь не за что извиняться. Ты ведь сам сказал: «Первого — умрет один, пятнадцатого — двое, а в Новый год — и вовсе все». В первый день года занятий в школе нет, так что у меня будет уйма времени подождать тебя на мосту Найхэ.

На его щеках проступили озорные ямочки.

— Э-э... — Ян Ихай осекся, чувства его окончательно запутались. — Чуцю, та фраза, что ты сказал на пристани...

— М-м? А что с ней? — Юй Чуцю сидел с безупречной осанкой, невинно глядя на собеседника.

Ян Ихай, напротив, не знал, куда деть глаза, и нервно ковырял палочками в рисе.

— Ну... почему ты это сказал?

— А-а... Просто мой отец говорил мне это каждый раз, когда я уходил из дома, даже если просто шел на занятия, — глаза Юй Чуцю заблестели, он явно воодушевился. — И каждый раз, когда он злился на меня, стоило мне произнести эти слова — и он тут же оттаивал. Я сегодня наговорил тебе лишнего, обидел тебя... И когда увидел, что тебя долго нет дома... вот и... и...

—...

— Ха-ха... Ихай, ты ведь не сердись? Я считаю тебя членом своей семьи, потому и сказал так.

Юй Чуцю заметно покраснел и принялся неловко потирать щеку, то и дело бросая на Ян Ихая

робкие взгляды. Голос его становился всё тише.

— Ох... — Ян Ихай бессильно уронил голову на руки. «У него вместо мозгов — деревяшка для молитв?! Неужели он не понимает, что ТАКИЕ слова не говорят родственникам?! Должен же быть предел тугодумию! Умоляю!»

«Ладно... Глупо было ждать чего-то от этого сухаря!»

В этот миг Ян Ихай, кажется, познал истинное отчаяние. Он снова взялся за чашку и сердито зыркнул на Юй Чуцю. Тот мгновенно виновато опустил голову. Ян Ихай сделал вид, что не заметил, и принялся уплетать ужин с таким остервенением, что за ушами трещало.

Видя, что гость пришел в норму, Юй Чуцю просиял. Он снова взялся за палочки, подкладывая Ихая лучшие кусочки, и заговорщически прошептал:

— Ихай, у меня для тебя подарок.

—... — Ян Ихай замер. Он лихорадочно твердил себе: «Ни на что не надеяться. Чем выше взлетишь, тем больше падать!»

Но мысли уже неслись вскачь: «Чуцю... неужели он хочет... меня поцеловать? Ох, я, конечно, не против. Но я же всё-таки ем, это как-то... негигиенично, что ли? Ладно, если он так хочет, я не стану мешать».

Внутри у Ян Ихая бушевал шторм, но внешне он оставался невозмутим.

— Да? И что же это?

Юй Чуцю загадочно улыбнулся. Отложив палочки, он достал из широкого рукава письмо и торжественно протянул его Ихая.

— Любовное послание? — палочки с громким стуком выпали из рук Ян Ихая.

— Угу, — кивнул Юй Чуцю.

— Глоть... — Ян Ихай с трудом сглотнул слюну. Он вытер руки о полы одежды и дрожащими пальцами принял письмо...

«Боги мои... Чуцю написал мне письмо... Он же так искусен в слоге, что же там внутри? „Пусть горы станут прахом, небо — землей, лишь тогда расстанусь с тобой“?? Ох-ох-ох! Это же так... так... Но мне нравится!»

Под пристальным взглядом Юй Чуцю он осторожно развернул бумагу и поднес её к свече:

«Ихай, пусть горы станут прахом, небо — землей, лишь тогда расстанусь с тобой. Твоя любящая сестренка Ван».

— ПА-БА-БА-БАМ!!! — Ян Ихай в ярости грохнул кулаком по столу так, что половина риса вылетела из чашки.

Юй Чуцю в испуге бросился спасать посуду:

— Ихай, ну нельзя же так волноваться! Письмо письмом, а рис переводить грешно! Древние говорили: каждое зернышко — плод тяжкого труда...

— А-А-А-А!!! С МЕНЯ ХВАТИТ! ТЫ, ОСТОЛОП! БЕСТОЛОЧЬ! ТУПИЦА КНИЖНАЯ!!! — Ян Ихай в мгновение ока изорвал письмо в клочья, бросил их на пол и принялся остервенело топтать. Нужно же было хоть как-то выпустить пар!

— Ихай, ты неправ. Девушка открыла тебе сердце, как можно так топтать чужие чувства? — Юй Чуцю искренне расстроился. — И к тому же при мне... Ты же знаешь, я так мечтаю о жене... А теперь что? Все молодые девушки в округе влюблены в тебя, а на меня и не смотрят... Я стараюсь следовать заветам Конфуция — не завидовать, не мешать. А ты еще и меня попрекаешь... Мне так обидно... Как говорится, извечно мудрецы в своем призванье одиноки... Но мне всё равно очень досадно!

Когда дело касалось вопроса женитьбы, Юй Чуцю становился упрямым как десять мулов.

От этой тирады и этого взгляда — мол, «я не виноват, я сама невинность» — Ян Ихай едва не задохнулся. Он готов был рвать на себе волосы от бессилия. Мечась по комнате, словно мартовский кот, он не находил себе места.

Юй Чуцю с недоумением наблюдал за ним:

— Ихай, ты доедать-то будешь?

— Не буду! Я сыт по горло твоими глупостями!!

Выпалив это, он вихрем взлетел по лестнице и скрылся в своей комнате.